

Двойное счастье для Сластины

Автор:

[Риша Старлайт](#)

Двойное счастье для Сластины

Риша Старлайт

Что может быть общего у ректора престижного ВУЗА и криминального авторитета всего города? Женщина? Правда? Одна на двоих? И если между собой они уже все решили, то вот моего мнения они узнать не пожелали. А пожелали кое-чего другого... но нужно ли оно мне, подобное двойное счастье?

Содержит нецензурную брань.

Риша Старлайт

Двойное счастье для Сластины

Глава 1

Первый раз у меня уже случился, незадолго до девятнадцатилетия, поэтому когда меня с обеих сторон зажимают два разгоряченных, накаченных мужских тела, мое собственное к этому противоестественному действию, готово. Несмотря на доводы разума, на глас совести и запреты. Снова они... Демид и Руслан... заклятые враги, объединяющиеся лишь в одном случае – чтобы взять меня врасплох, зажать в месте потемнее и потеснее, и оприходовать вдвоем, по очереди и одновременно. Они всегда так действуют. Утаскивают меня в берлогу, заговаривают зубы, затуманивают разум своими безумными ласками, и пока я,

дезориентированная и смущенная не начала сопротивляться их постыдному натиску, они разоблачают меня в четыре руки, чудом не порвав тонкий свитерок, и застёжки бюстгальтера.

– Красивые, блин, торчат! – с придыханием комментирует Демид, прикидая к освобожденным от плена бюстгальтера вершинам.

И пока я млею, невольно откидывая голову назад, ее фиксируют смуглые волосатые руки Руслан. Он, слегка вывернув мне шею, жадно впивается в губы, и так припухшие с прошлой нашей безумной ночи.

Они выше меня. Намного. И старше. Двое взрослых мужчин и одна девятнадцатилетняя пигалица. Чего они разглядели такого во мне, что готовы примириться на время постельных баталий, доводя меня каждый раз до порочного исступления? Я не знаю. Я вообще сейчас ничего не знаю, потому что Руслан присаживается на край стола и властно притягивает меня к себе абсолютно голую их стараниями, усаживает на колени, как маленькую. Демид освобождает свою длину, именно длину, по другому его орган не назовешь, а у меня в коленях простреливает сладким предвкушением. Они уже в желе превращаются, иначе как объяснить, почему расходятся сами собой, разрешая ректору университета в котором подрабатываю, пристроиться меж них.

– Не надо, пожалуйста! – задыхаюсь я, ведь Руслан сзади не дремлет, оставляет жаркие засосы на шее, царапает ключицу своей жесткой черной бородой.

– Поддержи ее! – хрипло кидает Демид своему врагу.

И Руслан удваивает свои старания, так удваивает, что на моем бледном теле наверняка синяки останутся, новые, (про старые, от его тисков я уже молчу), доводя меня до исступления, и шепчет на ушко жарко:

– Ну чего ты, Сластен, нам же хорошо вместе! Мы же для тебя, Сластен, все только для тебя.

– Сейчас звонок прозвенит и кто-нибудь увидит нас. – неуверенно высказываю свои страхи.

– Никто не увидит, Сластен, это наши проблемы уже. Дем здесь главный, тебе вообще на все должно быть пофиг!

И в этот самый момент Дем, который на самом деле Демид Александрович Громов, ректор Экономического Университета и мой начальник по совместительству разводит мои дрожащие колени в сторону и приставляет длину к лепесткам.

– Ах... – выдыхаю я прямо в губы Руслана, а тот испивает мое наслаждение, и попой, которой сижу на нем, я отчетливо чувствую, что он с нетерпением хочет занять место Демида как можно быстрее.

Демид большой. Входит в меня рывком, я снова охаю не в силах выдержать его темп, его неистовость. Мое тело полощется от удовольствия, невольно выгибается вперед, чтобы принять его в себя целиком, без остатка. Руслан удерживает меня, перехватывает мои мечущиеся запястья, заводит их за спину, продолжая нацеловывать шею и ключицы. А потом сжимает мои вершинки шершавыми пальцами. От острого удовольствия меня подбрасывает на седьмое небо и именно там настигает первый мощный оргазм.

– Рот ей закрой! – шипит Демид врагу.

Я ору, да? Понижаю это лишь тогда, когда сильная смуглая рука прикрывает мне губы, чтобы из них не выходили громкие а весь университет, стоны. Демид кончает следом. Выходит. Орошает семенем мой живот, пока меня все еще трясет от только что пережитого удовольствия. Руслан не ждет. Слишком долго уже томился до этого. Разворачивает меня к себе. Приспускает брюки. Насаживает на свое чудовищное орудие. Горячее и твердое, что давно рвется в бой.

Не успеваю отойти от первого оргазма, как меня настигает второй, более мощный и сокрушительный. Теперь черед Демида прикрывать мне рот, чтобы не опозорила его заведение.

– Тихо, Сластен, – уговаривает он меня. – Потом у меня покричим, гарантирую! У меня сейчас пара Сластен, а потом сразу ко мне!

Он говорит что-то еще, но мой мозг, переполненный эндорфинами отказывается воспринимать какую-либо другую информацию. Руслан сотрясается во мне, накачивая собственной жидкостью, но это ничего. Я на таблетках. Хорошо, что недавно, еще до этого двойного безумия с моим организмом приключился небольшой гормональный сбой и пришлось начинать принимать оральные контрацептивы. Иначе... резинками оба этих завоевателя пользоваться не хотели от слова совсем.

- Давай в туалет ее! - командует Демид.

Легко, играючи, словно пушинку, меня подхватывают сильные смуглые руки и несут куда-то. Очень кстати, потому что идти, после двойного проникновения в мой организм совершенно невозможно. Всё превратилось в сладкое желе, включая мозг. В туалете меня приваливают к стене, начинают быстро обтирать салфетками, Демид не забывает прихватить сорванную одежду и натягивает ее быстро, но без лишней суеты. На последок меня умывают, как маленькую, и поочередно целуют в губы, жарко и ненасытно.

- Тебя до стойки донести? - интересуется Руслан.

- Нет! Уходите оба! Быстро, сейчас звонок будет! - Я рассматриваю в зеркале основательно потрепанную девушку, но с горящими ведьмиными глазами, засосами на ключице и распухшими от постоянных поцелуев губами.

Быстро переделываю пучок из длинных волос, и, собравшись с мыслями иду на свое рабочее место - за стойку барристы в опустевшем по вечернему времени вузовском кафетерии. Через три минуты ко мне за кофе повалят уставшие сонные студенты, злые преподаватели и... возможно мои... кто они мне? Я не знаю. Ректор Демид Александрович Громов и бизнесмен, и по совместительству криминальный авторитет, которому е отказывают ни в чем, Руслан Бадоев. Я устало опускаю голову на стойку. И во что я вечно вляпываюсь?!

За некоторое время до...

- Сластен, выручай! Ну как я без зуба пойду к нему, тем более без переднего?!

- Кать, ты обалдела просить меня пойти на такое с криминальным авторитетом?!

- Сластен, там работы-то на пять минут!

- А если он узнает, что это не ты?!

- Как он узнает, если меня ни разу не видел!?

- Отмени встречу, - требую я, - беги к дантисту!

- Не могу! - отчаянно плачет сестра, - Руслану Бадоеву в нашем городе не отказывают. А после него еще будет Громов!

Ректор университета, в который я собираюсь поступать? Во что меня хочет втравить сестра?!

Ну как сестра? Так, троюродная, седьмая вода на киселе, считай. Но у ее бабушки я снимаю комнату, так как собственного жилья в областном центре не имею. Приехала поступать в университет, и скоро у меня вступительный экзамен.

В маленьком поселке, откуда я родом, приличного образования не получить. Еле как доучилась до одиннадцатого класса. И не потому что тупая, а потому что в школу приходилось по десять километров пешком ходить. Качественное школьное образование тоже было не получить, поэтому знания у меня так себе. Сама я конечно готовилась. И очень усердно. Учебники читала, дополнительную литературу, несмотря на ужасную скорость интернета, пыталась даже видеолекции слушать, потому что прекрасно понимала, что мама просто не в состоянии нанять мне репетиторов, да и где их нанимать? У нас, откуда я родом, вообще образование не особо в почете. Девочки уже в восемнадцать все беременными были, и только я одна, считай искренне не понимала, ну в чем прикол, выйти замуж за молодого алкаша и родить ему ребенка, чтобы потом и его кормить, и ораву ребятишек?! Нет, не это будущее привлекало меня. Меня влекло другое. Например, получить хорошее образование, в сфере экономики. Работать в большом городе, в новой стеклянной башне. В красивом чистом кабинете за монитором. Одевать модные юбки, блузки и каблучки. Выйти замуж не за пьяное матерящееся быдло, а за достойного целеустремленного мужчину. Ради этого стоило вырваться из поселка и переехать в город. Чего я, сразу после

окончания школы и сделала.

Так как ехать мне особо было некуда, а бабушка Кати сдавала комнату подешевке, то я, естественно подалась туда. Во-первых, я рассудила, что в большом городе лучше ехать к знакомой, чтобы чужие не облапошили простушку, во-вторых, бабушка все же хоть и дальняя, но родственница, если вдруг с оплатой повременю, уж не выгонит внучатую племянницу на улицу.

Как же я жестоко ошибалась на счет обоих этих пунктов...

Глава 2

Милая бабуля взяла у меня плату за несколько месяцев вперед, мотивируя это тем, что сейчас мол все так сдают, за первый и последний включительно. Она лишила меня последних денег. Но справедливости ради стоит сказать, что в другом месте, на эти копейки я бы не нашла вообще ничего. Такая себе альтернатива...

С другой стороны, я все равно собиралась работать, потому что, никто мою учебу и мое проживание обеспечивать не собирался. У мамы дома еще трое осталось. Так что ей есть о ком заботится помимо меня.

Кем работать молодой сельской девушке без образования? Официанткой? Вот, и я об этом сразу подумала. Да и сестра подсобила мне. Без мамы, воспитуемая той самой бабушкой, она выросла оторвой. Кое-как закончила девятилетку и подалась в пту, правда не знаю, появлялась ли там Катька хоть на один день или нет...

Для меня всегда было загадкой Катькино отношение к учебе и будущему в целом. Ну как можно, живя в большом городе, где у тебя есть столько возможностей закончить школу, поступить в ВУЗ, найти приличное место работы, так вот, как при наличие всего этого как можно так бездарно прощелкивать это мимо себя? Катька работает в ночном клубе, танцует гоу-гоу ночи напролет, живет чаевыми, в пту не появляется, и в ус не дует, ни на секунду не задумываясь о том, что пройдет ее молодость, красота зачахнет.

Ведь не будет же она плясать на шесте до сорока?! А что потом? Полы пойдет мыть? Или посуду? Её нынешний образ жизни ведет в никуда. Я такой не хочу. Поэтому, хоть она и настойчиво зовет меня тереться попой о шест, я на это не пойду.

- Настен, у тебя фигура – закачаешься, – уговаривает она меня каждый раз, – жопой мотнешь один раз, тебе сто баксов в труселя насуют!

Я только кривлюсь от этого. Это не мое вообще. Мне официанткой-то стыдно работать, не то что полуголой на постаменте попой вертеть.

А сегодня, за несколько часов до смены, она мне как раз и предлагает этим самым заняться. Вернее не совсем этим. А еще хуже. Ее заказали. То есть ее приватный танец. Для самого Бадоева, отбитого на всю голову уважаемого криминального бан... бизнесмена! А потом, не отходя от кассы, вернее все же отходя в другой лаунж, еще и сплясать Громову! На бис! А завтра прийти в его ВУЗ и вступительные экзамены сдавать. Вообще шикарно!

- Кать, я не умею... – привожу я логичный довод.

- Ты прошто не хочешь, – шепелявит беззубо сестра. – Чего там уметь? Щценические тряпки я тебе дам. Томно бедрами подвигаешь, щищками потрящешь и вще. Я же говорю, там пять минут работы! Вще чаевые твои. Бадоев, щедрый говорят. А ещли полапает, пусть двойной гонорар гонит!

- Полапает?! – в ужасе садится мой голос.

- Ха! Ну помацает малек, может за жопу ущепнет, от тебя не убудет!

- Нет, Кать, даже не проси о таком! А потом Громов еще... а вдруг и он меня ущипнет?! А завтра на экзамен к нему?! – мне просто физически уже плохо – так сильно я себя накручиваю.

- Ну щещтренка!!! – щербатым ртом ревет Катька, – ну выручи!!! Если не ты, то я потеряю эту работу! Хлеб щвой потеряю! Гыыы...

Сестра ревет, размазывая сопли по лицу.

– Вадька гад, ударил... гыыы... нещашная я! Мне даже жуб будет не на что новый вщтавить!

Вадька, это парень сестры. Господи, где она его только откопала?! Пять лет чалился по малолетке, вышел, ни работы, ни образования, ни-че-го. Но вот влюбилась Катька в него до беспамятства и терпит все его закидоны. И пьет он, и курит. Вот только непонятно на какие шиши... Подозреваю, что Катька сама же своего ненаглядного обеспечивает, лишь бы лечь с ним в одну постель.

Мне же беглого взгляда на плюгавого аполлона хватило, чтобы понять: бежать от такого надо. Мало того, что бездельник, (понимаю, что после отсидки ничего хорошего в плане работы ему не светит), матерщинник, дебошир, кобель – ни одной юбки не пропустит, так еще и Катьку систематически избивает. То есть ему ходить налево это за милую душу, типа мужику потрахаться жизненно необходимо, а вот за Катьке ее работу в гоу-гоу, с которой он и сам кормится, еще и зуб выбивает...

– Катюша, ну зачем ты с этим уродом и драчуном нянчишься? Он вчера фингал тебе поставил, сегодня зуб выбил, а завтра прирежет судя по прогрессии... Бежать от такого надо! – в который раз взываю к разуму сестры.

– Да я щама виновата, Щластен... ну жачем только жопой перед тем мужиком крутила? – всхлипывает бедная Катька.

– Кать, очнись! Ты так-то перед всем клубом голым задом вертишь!

– Нет, Щлаштен, – вспыхивает она праведным гневом. – Так, да не так. Я на пощтаменте. И не верчу, а танцую. И не голая, а в щценическом коштюме. На приваты редко щоглашаюсь... а тут такое дело. Два ТАКИХ клиента в один день. И не откажешь ведь, ни одному ни другому. Ну что, выручишь щещтренку?!

Всхлипывает и так жалостно смотрит. А мне и жалко ее. И деньги нужны. Милая бабуля обобрала все до копейки, а получка еще не скоро. И экзамен этот завтра. И ректор университета если узнает, боже...

Дзынь-дзынь, – звонит смартфон в сумке Кати.

– Але, да... почти уговорила... что? Нет, не увольняйте! Да почию я щвой хлебальник. Нет, она щогласитця. Щлащтен, ну помоги, ну! – отчаянно вопит она.

А я как представляю – сейчас откажу, испорчу отношения с ней. Ее прогонят. Вадим озверееет. Ее бабушка тоже меня по головке не погладит. А еще именно Катя устроила меня в тот же клуб официанткой. Своим отказом я могу все свои социально-родственные связи похерить одним махом.

– Ладно. – мысленно перекрестившись, выдыхаю я. – Давай свои тряпки.

Если бы я только знала, чем это все обернется для меня, то послала бы все связи, и родственные, и социальные к черту.

Глава 3

– Щлащтен! Ты прошто рождена для приватов! – с восхищением в голосе восклицает Катька.

Я же мало разделив ее энтузиазм смотрю на себя в большом зеркале раздевалки-гримерной, где мимо проходят множество полуголых девиц в вульгарных полосках вместо одежды. Теперь я словно бы одна из них. Дожилась.

Вообще сегодня все идет на перескосяк, с той самой минуты, когда Катьке удалось уговорить меня участвовать в этом безумии. Дома прицепилась бабушка, отчаянно матеря Катьку, ну у них так принято, ничего особенного, хоть и мне перепало за компанию. «Дура старая, не слушай ее» – успокоила меня Катя, на этом и закончилось. Зато на работе клиенты доставали в два раза больше. Еще бы: пятница вечер. Все навеселе, вот и официанткам скучать не давали. Вообще по-хорошему нужно было Катьку заставить отработать мою смену, коли она уболтала меня трясти задницей за себя.

Особенно доставал Аслан. Молодой совсем, а уже отбитый на всю голову. То ли его папаши это заведение, то ли дяди, там не поймешь уже. До этого ко мне он не приставал, хотя остальные официантки и гоу-гоу не против были такого внимания. На мордаху он смазливый, глазищи черные, огромные, но снова я чувствовала в нем ту отбитость, беспринципность, наглость, скотское отношение к ниже себя по положению, в общем, все то, что мне не нравилось в Вадиме, было и в Аслане. Но девушки едва ли кипятком не писались от такого к себе отношения. Может, это я с Луны свалилась? Может со мной что не так? Если я не понимаю всю «прелесть» общения с подобными индивидами?

– Вот так еще лучше! – Катька возвращает меня из раздумий тем, что выливает на руку масло с крупинками глиттера и начинает размазывать по моим оголенным участкам тела.

– А это еще зачем? – возмущаюсь я.

– Эффект обалденный, сиять будешь в полумраке как неземная богиня!

В зеркале эффект сногшибательный. На мне крохотная темно-синяя блестящая юбочка, такой же топик, и все тело мерцает. Катька распускает мои длинные волнистые волосы, припудривает блеском и их. Некоторые танцовщицы останавливаются около нас, оценивающе смотрят на меня.

– Смотри Катька, конкурентку нам не притащи сюда.

Ну на счет этого они точно должны быть спокойны. Никакой конкуренции по части гоу-гоу я им точно составлять не собираюсь.

– Идите нахер! – ласково советует сестренка.

Мимо идет администратор Слава. Он не традиционной ориентации и люто ненавидит девушек, особенно танцовщиц, но даже он не в силах промолчать:

– Вау, Катька! Сеструха-то твоя не мышка серая далеко. Светка, Ленка, как там тебя, пойдешь в гоу-гоу? – это он ко мне обращается.

– Настя я. – поправляю его сердито.

– Какая нахер разница, кто ты. Говорю, пойдешь танцевать на постоянной основе?

– Нет. Даже не уговаривайте. Один раз сегодня. За Катьку.

– Ну и дура! – констатирует Слава, – Давай быстрее, Бадоев уже в приват-руме. Дядю нельзя заставлять ждать.

Катя накрывает меня моим же пальто.

– Чтоб не облапали по дороге, – объясняет она.

Выходим из гримерки. И тут только осознание, на что я сейчас иду, обваливается на меня с тройной силой. Коленки трясутся. Ноги на метровых шпильках и платформе подкашиваются. Только сейчас я ясно понимаю, как же я танцевать-то на таких колдобинах буду? На них не то, что танцевать, ходить неудобно!

– Катька! – отчаянно перекрикиваю я клубную музыку.

– Не дрейфь! – моментально просекает мой страх сестра, – Щамой впервые щтрашно было, а потом как по мащлу. Вот. – протягивает она мне фляжку с чем-то. – Выпей.

– Что это? – я не понимаю, что происходит, голова тяжелая, кружится, аж до тошноты. В горле сухо.

– Щок. Яблочный. – ухмыляется сестра, – Выпей Щлащтен, щразу легче щтанет.

Без задней мысли, отхлебываю хороший такой глоток. Пересохшие губы, жаждущие влаги мгновенно обжигает привкус крепкого коньяка.

– Катька! – взвизгиваю я, когда могу поймать дыхание. – Ты обалдела?! Я не пью. Совсем.

– Щлащтен, это лучше щока, поверь мне. Вот щейчащ у тебя щилы двигаться появилищь!

Дура, блин! И я, и она дуры. Обе. Злости на нее не хватает. А хлебнула-то я прилично. Вон как повело, аж качнулась. Теперь еще и коньяком от меня нести будет за версту. О, Боже! Ну почему? За что?!

Парни и мужчины, подающиеся на встречу одобрительно крякают и свистят, я прикрываю глаза. «Похер» на всех – читаю словно мантру. Их никого нет. Я сейчас на море. Ну или на крайняк на речке. Это водичка журчит. А не похотливые выкрики горилл.

- Ухтыж твоюжмать! – рев перекрикивает все вокруг.

Аслан. Фокусирую на нем свое зрение.

- Недотрога, вау! – продолжает скалиться молодой говнюк. – Приват идешь танцевать? А говорила что ни-ни.

- Ащлан, пушти! – Катя пытается пройти сквозь его расставленные в разные стороны лапы. Но в коридоре сделать это проблематично.

Но ему все ее слова как жужжание жука. Он просто отмахивается от нее, а вот меня зажимает в тиски и дергает на себя.

- Ух, какая!!! – в лицо хмыкает он мне, а лапы его при этом ощупывают мою спину, так и норовя продвинуться к заднице. – Хорошая ж*па, так бы и жамкал!

Ну это уже слишком. Я в бешенстве. Алкоголь ли так влияет на мое состояние, или злость на все происходящее, но так обращаться с собой я никому не позволю. Выхватываю руку и бью его по наглой колючей роже наотмашь. Выходит звонко. Накладные типсы, что Катька заклеила мне на ногти процарапывают кожу на морде мерзавца. Брызжет кровь. Отлично. Вообще я не драчунья, но у меня обострено чувство справедливости, поэтому Аслана мне не жаль.

- Сука тупая! Шалава! Поймаю, выстегну! – визжит он.

- Щлацтен, беги! Вон туда! – указывает мне Катя направление.

Да в принципе я и сама знаю, куда драпать, узнавала до этого. Вырываюсь из потных тисков поцарапанного мачо и несусь со всех ног в приват. Это помещение кажется мне спасением. Но как же я ошибаюсь. Вношусь. Ноги не держат меня и я заваливаюсь прямо на мягкий плюш дивана. Вернее н совсем так. На мужчину, что сидит на нем, широко расставив ноги. Огромный. Заросший бородой. Брутальный.

Руки сильные у него. Обхватывает меня, ощупывая основательно так. Не украдкой, как Аслан, что пытался урвать кусок пирога, а собственнически, безраздельно. Заявляя на меня права, которых у него нет, и есть одновременно, ведь он купил меня для танца. Пальцы длинные у него. В перстнях. Вытатуированных. Уголовник? Меня жаром обдаёт. Не по себе мне с такими. Один Вадюша Катькин чего стоит.

– Ко мне торопишься блестяшка? – голос. Хриплый. Гулкий. Опасный. Волосы на затылке шевелятся от такого тембра. А ноги подкашиваются. И взгляд. Тяжёлый. Раздавливающий. Дикий. Черный. Будто сама бездна смотрит, не человек.

– П-простите. – пытаюсь я привстать. Но не выходит. Заикаюсь.

– Не бойся. – ухмыляется Бадоев. А это именно он. Криминальный авторитет. Судя по внешности, повадкам, манерам. – Или обидел кто? – прищуривается он.

– Нет, никто. – еще и трястись перед ним не хватало. Хозяин жизни, тоже мне. – Я начну.

Знаю, глупо выгляжу и слова мои тоже по-глупому звучат. Но я не знаю, как вести себя.

– Начинай! – Бадоев оценивающе проходит по мне взглядом.

Музыка звучит сильнее. Я начинаю неловко двигать бедрами.

– П*дор точно ТЕБЯ послал ко мне? – Бадоев вытаскивает телефон и переводит свой взгляд на него.

Скучно ему видите ли. Конечно, Слава, админ, не меня, Катьку ему выписывал, но... но это не повод с таким пренебрежением ко мне относиться, когда я на грани обморока выделяюсь перед ним!

Может алкоголь окончательно достигает моей крови, а может злость на все происходящее, но я доведена до ручки. Ну, сейчас, авторитет хренов, я тебе покажу!

«Оттопырь жопу, бедра, словно треугольник линейки, и ты его в разные стороны томно подкидываешь. Мужики текут от этого. Потом ногу вперед. Жопой восьмерку, вверх-вниз. Руку за голову, себя по волосам гладишь. Ведешь по себе, лаская. Сиську потереби, но не сильно. А то клиенту совсем может мозг сорвать и он кинется наминать их вместо тебя. Потом пальчиками по пупку вкруговую и вниз, словно в трусики себе хочешь залезть, но в последний момент мимо ими проведи. Не то опять спровоцируешь. А в финале добей его, попятясь к шесту, медленно плавно, вдавь булками в него, так, чтобы пилон меж булок оказался и съедь по нему на корточки, ляжи в разные стороны разбросав»

«Нет!» – возмутилась я на этом предложении, когда Катька на словах объясняла мне как танцевать, но вот сейчас, с раскоряченными коленками в сторону я с высока наблюдала за поехавшей челюстью Бадоева.

Ну что, криминальный авторитет? Скучающий, когда к тебе приличная девушка на приват пришла? Урыла я тебя? Выкуси, козел!

Его взгляд устремлен именно туда, где под крохотной юбочкой мою промежность прикрывает лоскуток темно-синей блестящей ткани трусиков. Внезапно я ощущаю холодок меж них и понимаю, что лепестки мои в этой срамной тряпке оголены на половину и все сейчас на виду у этого типа! Именно их он пожирает глазами! Вся кровь и стыд мигом приливают к моим щекам, опаляют. Мне не хватает воздуха. Так же как и Бадоеву. Он тянется расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Его кадык нервно передергивает при сглатывании и хриплом матерщинном выкрике:

– Нихрина себе! А ну, быстро ко мне! На колени! Отсосешь, тыщу баксов дам!

Глава 4

– Нет! – я в ужасе поднимаюсь, но ноги не слушаются, дрожат.

Справляюсь с собой, выпрямляюсь, несусь к выходу.

– А ну стоять! – рычит возбужденный моим танцем авторитет. – Я за минут бабла отдал уже!

Как это отдал?! – бьет в голове. Зараза Катька ничего мне про такое не говорила, иначе ноги моей в этом приват-руме не было. Либо она не знала, либо, коза дранная, не захотела сообщить.

Он встает во весь свой рост. Боже, да он бесконечный какой-то! Высокий. В плечах не то, что сажень – гектар целый. А в штанах Эверест. Потому что ширинка оттопырена на столько, что сейчас лопнет.

А я... бежать! – Свербит в голове. – Немедленно!

Подчиняясь бесконтрольному ужасу я бегу от Бадоева со всех ног. Коридор. Аслан. Злой, с расцарапанной мордой. Ухмыляется мне. Не смотрю на него. Следующий рум. Громов должен быть там. Надеюсь, что мой будущий ректор спасет меня и от молодого говнюка, и от криминального авторитета.

Ну почему я так наивно и упорно надеюсь на что-то хорошее, а неприятности нарастают как снежный ком?! В следующем привате за ноутбуком, потягивая виски развалился... ректор. А ректор ли? Разве такими бывают ректоры?!

Громко хлопаю за собой. Иду к пилону. Гляжу на ректора во все глаза. Вид у меня скорее всего основательно потрепанный. Трусики как врезались в лепестки, так и остались там. Режут нежнейшую кожу. Неудобно, больно. Но непонятно, как их поправить незаметно. Чтобы забыть о дискомфорте смотрю на мужчину. Красивый, черт! Волосы цвета молочного шоколада. Челка наверх уложена. Борода, усы, все ухоженное. А глаза как синее предштормовое море. Лучше не смотреть в них, иначе унесет в синюю аквамариновую бездну.

Мужчина хмурится. Вопросительно смотрит на меня.

– Громов? – тихо уточняю я.

Нет, вы меня правильно сейчас поймите. Я только из деревни, в этом клубе несколько дней работаю, до это ни разу в своей жизни не то что не работала, даже не заходила ни в один ночной клуб. Как себя тут вести я догадываюсь едва ли. А вдруг это другой мужик, не Громов? А я перед ним трястись буду.

Мужчина кивает, с интересом разглядывая меня.

– Вот... приват пришла танцевать...

– Танцуй. – нахмуривается мой будущий ректор. И очки надевает... компьютерные. И в свой монитор пялится. Демонстративно! Он совсем что ли того?! Или танец не он заказывал? Может, подарил кто? Перед экзаменом?

Но я-то не вещь. И мне обидно такое пренебрежение ко мне. Что ж... выделываться как перед Бадоевым желания никакого нет. Да и Демид Александрович не смотрит. Чего бы для собственного удовольствия у шеста не подвигаться? Когда у меня еще будет такая возможность?

Как там гоу-гоу наверху выделываются? Я обхватываю шест двумя руками. Музыка играет ритмичная. Шест скользит в руках вверх-вниз, мне нравится ощущение гладкого металла меж ладоней. Начинаю извиваться бедрами в такт. Пропускаю шест меж голых ножек. Как на нем так лихо катаются? Держусь одной рукой и одной ногой, вторые конечности в свободном полете, пытаюсь вертеться как это делают другие девушки. Получается! Вау! Как на карусели. Вхожу в раж. Пилон – прикольная штука. Изучаю его интенсивнее. Кручусь, как на вертеле. Забываю напрочь, что в комнате находится кто-то еще.

А этот кто-то сидит с раскрытым ртом, и даже очки свои снял – так на меня пялится. Глаза просто полыхают голодным пламенем. И голод у него мужской. По женскому телу. По моему телу. О, Боже! Удирать! Быстрее удирать из этого притона.

– А ну стоять! – хриплым баритоном летит мне в спину. – У меня проплачено и кое-что другое!

Глава 5

Я знаю этот рум. Несколько дней назад приносила сюда выпивку и закуску. Отсюда имеется выход прямо во внутренний дворик клуба. Пофиг, что полуголая. Надо удирать быстрее. Потому что деления на ректоров и авторитетов в ночном клубе не существует. Есть только охочие до моего тела мужики, а мое тело девственное между прочим, пока еще. Во всех смыслах. Только целовалась с парнишкой одним. И то в щечку. Ну ладно, в губы. Но без языка.

– Стой, я сказал! – летит мне в спину, а я улепетываю со всех ног.

Дверь. Открываю ее. Вываливаюсь в летнюю ночь. Прохладно. Но это ничего. Ведь щеки мои пылают. На шпильках бежать очень неудобно. Ну что поделать, мешкать и снимать их – тратить лишнее время, которого у меня нет.

Бегу вдоль стен. Впереди маячит выход на внешнюю улицу клуба. Мои вещи, сумка, телефон и одежда остались в примерке. Надо переждать и незаметно заскочить, чтобы за...

Додумать мысль не успеваю. Чья-то лапа хватает меня за распущенные волосы, и дергает на себя.

– Попалась! Шалава царапучая!

Аслан! А нагло глумится и насмехается надо мной сейчас именно он.

– От меня еще не одна течная телка не уходила!

Он толкает меня куда-то в сторону. Я лечу, пока больно не ударяюсь об новое тело. Другой парень. Да их несколько! Боже! Аслан подкараулил меня с другими подельниками.

Все четверо нагло ухмыляются. Играют мною словно в мяч, швыряя друг на друга. Хохоча и матерясь. Ну все. Попала. Бьет в голове. Что может сделать одна слабая девушка против четырех крепких парней? Ничего не может... Убежать? Догонят и избьют сильнее. Сопротивляться? Пара тычков и... И похер! Сдаваться я не собираюсь. Прихожу в себя. Кровь стучит повсюду! Я царапаюсь, брыкаюсь, кусаюсь, ору на всю улицу. У Аслана в руках сверкает зажатое лезвие.

- Пасть заткни! – сверкает он глазами. – А то от уха до уха порежу! Вот тут мне становится страшно.

Так страшно, что все холодеет изнутри, и это не фигура речи. Живот в кусок льда превращается. И все что с пищеводом связано. Я даже вздохнуть не могу.

- Давай, пацаны, мешок ей на голову! – гогочет один из них.

- Да откуда мешок?! Вот худи мой. – Парень стягивает с себя толстовку.

Несколько рук держат меня, на голову натягивают черную непроницаемую ткань. Вещь пахнет. Запах чужой. Звериный. Я ничего не вижу. Зато обостряется слух и другие ощущения. Меня прислоняют к кирпичной кладке стены. Сверху наваливается первое тело. Аслан. Я не вижу его, но чувствую, что это именно он. Если сейчас не произойдет чудо, то я потеряю свою девственность именно так. Зверским способом, принудительно. Даже не зная наверняка, кто станет первым мужчиной в моей жизни.

- А ну оставьте ее! – гремит грозный баритон. – Сосунки заногувашумать!

Мерзавец продолжает сжимать меня по инерции, но не долго. Очень быстро его отлепляют от меня, и потные руки насильника сменяются другими. Крепкими и горячими.

- Не бойся, девочка. – бросает он мне, и на него тут же налетают молодые говнюки. Пока я пытаюсь стащить с себя ненавистный свитер чувствую глухие звуки, точно в кочан капусты бьют.

Запутываюсь сильнее. Еле сдергиваю с себя, едва не оторвав сережки из ушей. Громов! Это он оказался моим спасителем. Один против четырех вышел! Он

точно ректор?! Колошматит насильников за будь здоров. Рубаха вся в крови. И он в крови – губа разбита. Рукав оторван и забитый тату бицепс бугрится мышцами и венами под замысловатым орнаментом. А мне бы убежать, но ноги приросли к полу. Не идут и все. Сдюжит ли он с четверыми?!

Глава 6

Выстрел! Все замирают. Я же вообще от страха на колени съезжаю, обхватив руками голову.

– А чтобашузаногу, какого хрена?! – рычание зверя. Отчаянное. Мат такой, что все, что я слышала до этого, кажется мне колыбельной песней.

– Вчетвером на девочку напали. Уроды! – сплевывает ректор кровью на пол.

Авторитет, сжимая в руках пушку разворачивается ко мне. На лице его глумливая ухмылка, но когда видит, в каком я состоянии, глаза его полыхают злостью.

– Дядь Руслан, ну прости нас, попутали. – потирает лоб Аслан.

– Утырки! Мать вашу, черти! Сильно они тебя Громов? – гудит он, оборачиваясь к ректору.

– Сученыши! – отирает разбитый нос Демид, – Кулаки свои почесал немного. Покоцал пацанов твоих. Не обессудь.

– Если претензий к моим утыркам нет, то расходимся. – Бадоев все чаще бросает на меня взгляды, убирая оружие.

– Пусть костюм мне новый оплатят. Гуччи. Из последней коллекции. И если еще раз на пути попадутся, то п*здец им гарантирован!

– Оплатят! – авторитет как зыркнет на притихших пацанов своим черным взглядом, они едва ли штаны свои не пачкают. Убегают, словно их и не было.

И тут мужчины вспоминают о моем существовании. Оба подходят почти одновременно, но Бадоев проворнее оказывается.

– Блестяшка, вставай! – подает мне руку.

А мне страшно. Мелочь убежала, а вот крупные акулы типа авторитета и ректора остались. И ничего хорошего мне их присутствие не сулит. Гляжу на волосатую руку. На пальцы, забитые татухами и волосы шевелятся на затылке.

– Ты видишь, ей страшно. Вставай, малая. – Громов плечом отпихивает криминала, поднимает меня с полу. Легко, точно пушинку отрывает. – ну все, пошли.

– Блин! Кровь у нее. В больничку ее надо. Есть у меня лепила знакомый. – Бадоев тянет меня из рук Громова на себя.

А мне так плохо, что я тупо не соображаю, что вообще происходит, голова кружится, ноги подкашиваются. Наверно те ублюдки меня ударили, а я и не почувствовала этого от ужаса.

– Блин! – видя мое состояние рычит Громов.

Он сильно отпихивает Громова от себя, хватает меня и тащит куда-то в подворотню. Там, раскоряченный огромный черный гелентваген. Устрашающий своей наглостью и мощностью. Бадоев открывает дверь, запихивает меня вперед, сам стремительно усаживается за руль.

Следом, отчаянно матерясь за нами несется Громов. Но не успевает. Мотор гелика ревет, машина рвется с места. Бадоев ведет машину агрессивно. Меня ведет, тошнит. Он врубает музыку. Громкие звуки оглушают ночной город. Бьют по мозгам, по ушам. Но у меня нет сил попросить, чтобы сделал тише. Черный БМВ последней модели – обтекаемый блестящий джип не отстает от нас.

– Хрен не отстанет ведь! – ревет Бадоев, подрезая «беху». – Да и хер с ним!

Машину заносит на дрифте. Я не понимаю, как живая от этого остаюсь.

- Блестяшка, на выпей! - протягивает мне бутылку виски авторитет. - Сразу полегчает.

Не знаю, зачем пью. Мне уже так плохо, что все равно. Делаю большой обжигающий глоток. Алкоголь мгновенно всасывается в кровь, бьет адреналином в мозг. Глаза мои открываются.

- Пей. Мало. Тебе еще мало! - перекрикивает музыку Бадоев.

- Меня Настей зовут... - непонятно зачем представляюсь я. Хотя почему непонятно? Блестяшка невероятно бесит.

- Настена - Сластена! - тут же выдает он самую популярную присказку к моему имени. - Ах тыж, твою!!! - бьет он по тормозам в миллиметре от нового блестящего бампера. Пока отвлекался на меня, Громов обогнал его и преградил путь. - Бессмертный что ли?!

Бадоев выходит из машины. Отлично. Я сейчас сбегу. Потому что совсем непонятно куда и с какой целью меня везет этот бывший уголовник.

Щелкает блокировка машины... Пипец!!! Он словно прочел мои мысли и вот, заблочил двери! Мне ничего не остается, как сжимать бутылку вискаря, да дергать ручкой бесполезно.

А меж тем, на этом пустыре, на отшибе города начинается нечто интересное! Два разъяренных мужика матерятся. У авторитета рука на пушке. Ректор тоже не пальцем делан. Видок у него после драки еще тот устрашающий. Боже! Но тот у кого пистолет несомненно опаснее! Сейчас и Громова пристрелит, и меня. И вон в тот овражек скинет обоих.

От ужаса я пью еще больше. Страх отступает. У меня в руках пузатая бутылка. У. МЕНЯ. В. РУКАХ. БУТЫЛКА!!!! Ну конечно, сейчас как херакну по стеклу и деру дам. Конечно, то что криминальный элемент меня поймать может и пристрелить я в эту секунду не думаю. Разум от ужаса вообще отключается напрочь. Мужчины колошматят друг друга за будь здоров.

Размахиваюсь. Обрушиваю бутылку на стекло. Грохот. Шум. Осколки стекла, впивающиеся в руки. Боли не чувствую. От шока. Дерущиеся так и застывают. Оборачиваются на машину.

- Блииин!!! - не могу слышать, но читаю по губам на перекошенных лицах у обоих мужчин.

Руслан приходит в себя первым, несется к автомобилю. У меня вся рука в крови, а вот стекло... даже трещины на окне не появилось от удара.

- Что же ты делаешь, Сластен?! - он берет мое обезумившее лицо в свои руки, фиксирует, притягивает к себе. - Стекло бронированное, Сластен! Его ничем не возьмешь. Ты нахера херачешь по нему?!

- Затем что ты, гамадрил, ее похитил и запер! Конечно девочка испугается такого! - а это уже Громов подоспевает к нам. - лапы от нее убрал!

Меня в четыре руки вытаскивают из машины. В шоковом состоянии я не в силах двигаться. Только перевожу ошалелый взгляд с одного разгоряченного дракой мужского тела на другое. Это звери! Настоящие беспощадные! Вон как друг друга отметелили. Запах мускуса и тестостерона бьет по моим рецепторам. Мне жарко. Но жар иного толка. Он внизу живота. Скручивается тугим кольцом. Самцы прожигают меня голодным взглядом, мозг сносит окончательно, и я искренне не понимаю, когда один из них выхватывает мою влажную от чего-то руку.

- Блин, Бадоев, еще бухло есть? Надо промыть рану девушке!

Не говоря ни слова Руслан отходит от нас, лезет в машину, вылезая оттуда с аптечкой и еще одной пузатой бутылкой.

Они не мешкают, но и не торопятся. Один вскрывает алкоголь, другой вытаскивает из руки видимые осколки.

- Ш-ш-ш... ох! - шиплю я, от острых щипков, когда стекло растягивает рану.

– Потерпи, Сластен, потерпи, маленькая! – требует Руслан, промывая раны виски.

Мою руку обжигает спиртом, я подсакиваю на месте, повисая на другой паре сильных мужских рук. Громов рядом.

– Эй, аккуратно с девочкой! – прикрикивает он на врага, – Не своего гаврика обрабатываешь какого, а девочку нежную!

– Отвлеки ее! – требует Бадоев, вытаскивая йод.

– Нет... – сипло прошу я, потому что понимаю, что меня сейчас подожгут вновь, теперь уже йодом. – Нет, больно, не надо... я лучш...

Договорить я не успеваю. Громов, полностью закрывая мне обзор на руку, которую лечит Бадоев нагибается ко мне, закрывая мои стоны своим ртом. Он целует меня неистово! Беспрекословно. Полностью подчиняя своей воле. Виски в крови, адреналин, алкоголь, поцелуи ректора, его объятия, боль в ладони, все смешивается в невозможный острый непередаваемый клубок ощущений, который шарашит молотом в висок, отключая все способности мыслить, анализировать, принимать решения. Я полностью отдаю себя на растерзание Громову, а он и рад. Удобнее перехватывает меня с подкошенными ногами, не давая рухнуть. Его борода колетса, царапает мои щеки, мои губы, мою шею. Он кусает меня прямо в пульсирующую вену, а я подставляю ему горло, чтобы еще сильнее укусил, разодрал в клочья! Чтобы еще больнее стало... чтобы сразу и навсегда. Чтобы не мучил. И в то же время наслаждаюсь мучениями этими. Потому что сладкие они невероятно. Улетные. Крышесносные.

Грудь давно набухла и сперла дыхание. Соски налились кровью, распустились, затвердели и вот-вот прокарябают ткань дурацкого блестящего топа.

Они молят о тяжести и силе мужской руки с шершавым пальцами. Молят о ласке, или наоборот о боли, я уже сама не пойму, чего сейчас больше жаждет мое обезумевшее от непомерной дозы адреналина тело.

И тут сзади оказываются еще одни жадные настойчивые губы. Они прикусывают, вылизывают мою ключицу. Мои руки больше никто не сдерживает. Я не могу согнуть пальцы в кулак – они перевязаны. Бадоев закончил бинтовать

и присоединился мучать меня. Его руки лезут мне в трусики. Там ужас. Там потоп. Теплой густой тягучей влаги потоп. Потоп желания. Я вздрагиваю.

– Не бойся. Больно не сделаю, – хрипит мне в ухо Руслан, прикусывая, – только хорошо. Только приласкаю.

А я жажду этой ласки. Как безумная. Потому что впервые. Потому что так остро. Так необычно. Вдвойне. Громов подхватывает меня под бедра и закидывает к себе на пояс, заставляя таким образом обвить, сдавить его бедра. Бадоев сзади рвет трусики швыряет их в сторону. Полностью обнаженная, я чувствую нежной кожей бедер жесткий ремень ректора. Пальцы же авторитета проникают к моей коже. Гладят ее, ласкают в круговую, кружат, подбираясь все ближе к самому заветному, к самому запретному.

Я невольно оттопыриваю попку, стараясь неосознанно насадиться на эти жесткие пальцы. Черт. Я хочу в себя кое-что побольше. И Бадоев точно угадывает мои мысли. Вжикает ширинкой вниз. Мне в попу тут же упирается нечто очень огромное, горячее, с влажной шелковистой кожей. Громов же безошибочно находит изнывающие от желания ласки соски и остро прикусывает их. Я максимально выгибаюсь в спине. Бадоев трется о мои лепестки мгновение и рывком входит в мое девственное тело.

– Ах... – ору я от мгновенной вспышки жжения и небольшой, но все же, боли.

– Целка что ли? – потрясенно хрипит Бадоев, замерев во мне. А мои складочки полыхают пожаром, растянутые, заполненные до предела, до нельзя переполненные им. Сдавливающие Бадоева, пытающиеся вытолкнуть из себя.

Глава 7

А раньше спросить об этом нельзя было?! До того как пихаться в меня? Лишь жалобно стону в ответ.

Бадоев потрясенно матерится, замерев внутри меня, давая мне возможность хоть немного привыкнуть к его размеру, к его длине и толщине.

Громов же старается отвлечь меня жаркими поцелуями груди, но мне сейчас вообще не до этого.

– Помоги ей, *пта! – хрипит Бадоев своему подельнику, которого колошматил совсем недавно.

И Громов... вернее его рука скользит вниз, туда, где мои складочки заполнены до основания. Его шершавые пальцы отыскивают горошину и... начинается феерия! У меня искры из глаз от удовольствия. Я мало что вижу перед собой. А соображаю еще меньше. Просто в какой-то момент желание настолько ослепляет меня, а удовольствие бьет в мозговой центр эндорфинами, что я лишь жалобно стону, не желая чтобы это безумие когда-нибудь заканчивалось... Я даже не понимаю, в какой момент они меняются, и меня уже заполняет собою Громов. Так остро. Так ярко. Так горячо. Так неистово и нежно одновременно. Они понимают, что я уже не соображаю ничего. Хорошо, если у них еще сохранились хоть какие-то остатки разума... Но это вряд ли... Все так закрутилось, перемешалось, переплелось в сплошной комок удовольствия.

На очередной волне наслаждения я сдаюсь. Я настолько устала сегодня, так перенервничала, что мозг просто отключается, погружается в сон, независимо от того, что со мной делают эти два опасных мужчины.

Дальше мое воспоминание представляет собою дырявое лоскутное одеяло: вот меня внимательно осматривают на предмет повреждений, потом вытирают чем-то прохладным и влажным. Кто-то из мужчин жертвует своей рубашкой и меня запелёнывают в нее, как маленькую. Опускают на широкое кожаное сидение автомобиля.

Шепчут слова нежности и прочую любовную дребедень. Целуют по очереди в распухшие от диких жадных поцелуев губы. Откуда-то материализуется плед, меня сверху накрывают и им. Советуют отдыхать. Всё ощущается словно через кусок ваты. Через пелену сна. Они курят. Оба. Расслабленно и глубоко затягиваются сигаретами. И что-то негромко выясняют меж собой. Мне не интересно. Я просто умру, если не поплюю сейчас.

Над лесом занимается кромка рассвета. А у меня сегодня экзамен... – это последнее о чем я успеваю подумать. У Громова экзамен. В Университете. Ну и похер! Если бы я знала, что меня ждет потом, то не была бы сейчас такой

беззаботной. Хотя... вру! В том состоянии, что я пребываю после двойного безумства, я бы чисто физически не смогла ничего поделать.

- Ты где была?! - накидывается на меня Катька, едва я защелкиваю за собой дверь на замок.

Видок у меня конечно фееричный - в огромной мужской рубашке на босо тело, соски торчат, натертые шершавыми пальцами обоих мужчин. Шпилька от сломанной туфли в руках, тушь растеклась под глазами, волосы растрепанные... Засосы, эти неандертальцы оставили по всюду, на самых видных местах, и ничем их не скроешь... губы распухли от бесконечного терзания. И верхние, и нижним губкам тоже досталось по самое небалуй! Там саднит немного и потягивает. Как при месячных... Надеюсь эти варвары ничем меня не наградили, потому что хоть и кончали они не внутрь, на сколько я помню, но это никак не защитит от всякой заразной бяки!

Катька окидывает меня внимательным взглядом, а потом на ее лице появляется откровенный ужас:

- Щлацтен, тебя ижнащировали?! Мучали?

Да, и еще как мучали! Пытали удовольствием! Нанизывали на свои внушительные дубины, вторгались. Вколачивались. Едва ли не померло от серии крышесносных оргазменных вторжений мое девственное до этих зверей бедное тело. Но знать об этом Катьке не нужно. Вот совсем не нужно!

- Нет, Кать, пусти! - требую я, хватаясь за звенящую от боли и похмелья голову. - Я в душ. Кофе мне свари покрепче, а то сейчас на экзамен идти!

- Какой экзамен, Щлацтен?! Ты в каком щощтоянии?!

- По математике... ах... - кривлюсь я от физической боли, которую мне доставляет лишь одна мысль о предстоящем тестировании.

Не слушаю Катю, тащусь в ванную комнату. Закрываю дверь перед ее любопытным носом. Пробегаю мимо зеркала. На себя сейчас лучше не смотреть. В душе замечаю, что промежность все еще немного кровит. Еще бы! Эти двое хоть и пытались сдерживаться, но все срывались на безумные скачки, да я и сама отдавалась процессу полностью.

Ох... направляю прохладную воду на припухшие пылающие лепестки. Перед глазами мелькают картинки, одна пошлей другой. Ну все, хватит! Выключаю напор. И так уже лишилась девственности сразу с двоими! Не хватало еще игры с насадкой от душа устраивать!

А вообще моим хм... партнерам нужно отдать должное! Да, они воспользовались моим неменяемым состоянием, но они не выкинули меня по дороге, не избили, не изнасиловали (всё же, как ни крути, все у нас случилось по одному желанию. Только не обоюдному, а одному на троих). Они выспросили у меня, полувменяемой адрес, и привезли прямо к подъезду обшарпанной пятиэтажке на окраине города.

Бадоев все пытался засунуть деньги в карман собственной рубашки, что надел на меня, но я отчаянно сопротивлялась, кроя их на чем свет стоит. Я что им шалава, чтобы за такое деньги брать?! Но, похоже именно шлюхой они меня и посчитали. Оба. Раз не постеснялись оттрахать и пытались баксы засунуть. Громов же порывался проводить, но я наврала ему про ревнивого мужа и троих детей. Ректор лишь хмыкнул на это скептически, но настаивать не стал – ему тоже надо торопиться в университет по логике вещей.

Какая бы Катя не была безалаберная, но она сейчас стоит и варит мне кофе в старой, выдавшей виды турке.

– Щадишь, Щлаштен, я шейчаш бутеров тебе щварганю! – как описавшаяся на дорогие туфли кошка, метет она хвостом.

– Не надо, кофе только дай, Кать! И аспирину!

– Щаш! – Катя ловко наливает мне крепкий ароматный напиток, лезет куда-то в ящик. Кидает мне упаковку алкозельцера. – Вот, это получше ащпирина будет!

И почему я не удивлена, что у сестры имеется данный препарат в аптечке?

- Поцтинор дать? – заботливо интересуется сестричка.

Наверно, надо... Мало ли. Нежелательной беременности мне не надо ни под каким соусом! Киваю одобрительно. Получаю еще один препарат. У сестры, кажется, имеется решение проблем на все случаи жизни. Конечно, работая в гоу-гоу ночного клуба, у девушки должен иметься весь арсенал средств от похмелья и экстренной контрацепции. Иначе не выжить.

- Щлащтен, ну не дуйща! – подсаживается она рядом, виновато заглядывая в глаза. – Я тебя по вщему клубешнику ишкала, до утра ждала! А под утро Щлавка п*идор, подожвал меня к щебе и бабки отщитал! Бакши! Две тыщи! Шкажал, довольные клиенты ошталищ! Велели Нащтене передать!

Что?! Но когда они успели?! Разве что если только по телефону...

- Не предштавляю, что они ш тобой делали, что потом рашплатилищ...
Щлащтен, ну прошти, что подштавила...

- Я верну им деньги, Кать. Я не шлюха, чтобы они со мной вот так расплачивались!

И тут сестра меня удивляет в конец:

- Щлащтен!!! – взмаливается она ко мне. – Я клинику нашла! Там жа такие деньги мне новый жуб поштавят! Жа пару дней! Винир! Ну пожалушта, пожалей меня!!! Гыыы...

Глава 8

Безбожно заваливаю тест! Реально, ничего не понимаю!!! Будто одиннадцать лет до этого изучала другую математику. Альтернативную! Результаты будут лишь через три дня, но я уже заранее знаю, что высокий балл мне не набрать!

Что делать? Катастрофа! всю жизнь в этом ночном клубе с подносом бегать?! Или еще хуже, гоу-гоу полуголой выплясывать?! Мне уже девятнадцать. Так получилось, что в школу пошла поздно. Сейчас если еще один год пропущу не поступив в универ, то что?! Что?

Иду расстроившись по коридору. Сжимаю папку с документами. Вот так, помогла сестре, называется... вместо того, чтобы ночью подготовиться получше, занималась таким, что теперь прикрывать шею и руки придется минимум неделю, пока засосы и синяки от двойного любовного угара не сойдут с бледной кожи...

Впереди маячит знакомая фигура. Громов! Смотрю на него, выходящего из другого конца коридора, и в моем теле запускаются такие процессы, от которых сразу в жар бросает! Многострадальная вчерашними стараниями ректора и Бадоева щелочка моментально сокращается, поджигаясь в страшном пожаре. Но кровь приливает не только к ней. Щеки тоже наливаются пунцовостью, горят, как и пульсирующие губы. Ректор не видит меня. Зато я его рассматриваю во всей своей красе: Высок. На голову выше всех спящих мимо абитуриентов. В белоснежной рубашке, отлично сидящем на нем костюме, в галстук. Который я мысленно снимаю с него, и он перевязывает мне им запястья. Чтобы всполошенные руки не мешали ему вытворять со мной такие вещи, которые ни одной приличной девушке не снились! неприличной, впрочем, тоже.

У него широкие плечи. Узкие, но мощные бедра! Он просто чистый ходящий с***кс! Да еще и очки эти в тонкой оправе! Как же они ему идут! Уверенна, что никакими проблемами со зрением он не обладает. Имидж поддерживает, чтобы казаться серьезнее с этой своей внешностью порноактера!

Наутек бросаюсь в туалет. Пока он не засек. Никого. Отлично! Опираюсь на раковину локтями, убираю волосы назад. Из зеркала на меня смотрят два совершенно безумных зеленых глаза. Они горят ведьменым блеском. Губы искушенные все, привет, ректор и авторитет! Ярко-алые, без какой-либо косметики. Под глазами залегли черные круги – не спала ведь всю ночь. А еще, кажется, начинаются последствия после приема постинора. Надо бежать домой, пока ректор не увидел меня в числе сдававших экзамены. Поступить в вуз через постель вообще не мое! Потом не откупишься от него, а он станет относиться ко мне как к вещи, потребительски! Не этого я хотела, приезжая из деревни в областной центр! Не об этом я мечтала всю свою жизнь!

Умываюсь ледяной водой, и незамеченной выбегаю на улицу, юркаю в маршрутку и быстрее домой!

Следующая неделя проходит точно в кошмаре... Не стоило принимать экстренную контрацепцию, не посоветовав с врачом... Меня тошнило, мутило и рвало целых семь дней. Я лежала пластом и даже на работу выходить не могла. Сестра так же взяла несколько дней за свой счет – ходила вставлять зуб. За неделю и две тысячи долларов ей его вставили.

Я же лежала ничком в своей комнатке. Бабушка Катьки, Вера Петровна периодически заходила ко мне, на мозги покапать больше. Потому что ничем другим ей заняться было нечем.

– Эк ты теперь каждое месячное кровотечение в кроватке бока отлеживать будешь? – сетовала она вместо того, чтобы принести мне тарелку супа хотя бы. – Не хорошо, Настасья так себя баловать! Вона мы как жили? Подкладок у нас не было, марлями прости-господи, пользовались! На поле работали! Аборты без обезболивания делали. Рожали по многу и никто нам никаких больничных не давал! А вы? Эх, вы! Дурное поколение! Гнилое! У вас все к вашим услугам, и таблетки, и салфетки, а вы прям цветочки какие комнатные! Тьфу, противно!

Вообще-то ежемесячными болями я страдала в пределах нормы. Да, не приятно, но я никогда не считала их поводом остаться дома или не пойти на работу, но не говорить же бабе Вере, что у меня не обычное кровотечение, а кое-что другое... Иначе потом проституткой-шалавой будет звать за здравье!

– Может ко врачу бы ходила, раз так страдаешь?!

А вот это уже здравая мысль... раз у меня такая побочка на препарат, надо показаться гинекологу. Проблему-то надо решать, а то я даже в универ за результатами экзамена собраться не могу.

Прием у гинеколога в частной клинике – удовольствие не дешевое, зато без очереди, и более человечный подход, что ли... учитывая что это мой первый раз, я не жалею денег, которых не так много, но боюсь врачей, а особенно таких, до ужаса.

– Это у вас побочный эффект на препарат, – улыбается мне молодая девушка, Ксения Георгиевна, как написано на бейджике, – редко, но такое бывает. Если планируете и дальше жить половой жизнью, то лучше подобрать хорошие оральные контрацептивы, чтобы не травить организм ударной дозой гормонов.

– Я не против, – киваю я. У меня и в прошлом были небольшие сбои, а как я читала, ок налаживают регулярность, и в общем хорошо влияют на женщину.

– Только нужно сдать анализы, я выпишу вам, какие точно. А пока мы вам не подобрали подходящие пилюли, используйте барьерный метод контрацепции. – врач углубляется в писанину.

Через несколько минут я уже с направлениями стою в коридоре. Очень надеюсь, что такого как той ночью больше в моей жизни не повториться. И мне не придется использовать барьерные методы... Ну почему я такая наивная?!

Глава 9

Бегу глазами по стройным рядам фамилий счастливчиков, поступивших на бюджет. Моей нет... что и следовало ожидать.

Обидно? Еще бы! Я же так об этом мечтала! Так стремилась, и увы... не поступила! Так бездарно прощелкала последние часы перед тестом, да еще и здоровье свое немного подорвала. Ужас, в общем. Самый плохой сценарий, что я могла себе представить. Вернее, я такого вообще не представляла! И что теперь делать? Платить за учебу мне нечем. Возвращаться домой не солоно хлебавши? Нет, не мой вариант.

Фамилии счастливчиков размазываются у меня перед глазами. Слезы дурацкие. Хотя тут только я сама виновата! Запоролла себе жизнь на ближайший год,

поздравляю, Настена, сердобольная ты наша! Зато Катька с новым виниром. Ну почему я такая дура?!

Разворачиваюсь, прикрывая красные, полные слез глаза и... врезаюсь в твердокаменное что-то. Горячее и вкуснопахнущее. Это что-то неспеша обхватывает меня руками, но не отталкивает, а наоборот, сильнее сжимает меня.

- Ты? - голос. Хриплый. Низкий. - Что ты тут делаешь?

И смотрит так... пронизательно в мои полные слез глаза. А губы его совершенные, чувственные трогает улыбка. Словно искренне рад меня видеть.

- Ничего. Пустите. - требую я, в опустевшем в этот час фойе.

- А ну, пошли! - Громов решительно берет меня за руку и тащит куда-то вперед по коридору.

А я... иду. Как на заклятие за ним иду. Понимаю, что все абсурдно, тщетно, но не подчиниться его тону, его энергетике, его харизме не могу.

Заходим в приемную. Секретарша, молодящаяся взрослая тетя, смотрит на меня как на муху в сиропе, с призрением, поджимая губы. Мигом оценивает мой зареванный вид, дешманскую одежду и полное отсутствие косметики.

- Ко мне никого не пускать! - Роняет Демид Александрович, и затягивает меня к себе.

Дверь плотно прикрывает. Наверно, чтобы крыса уши не грела, но не на ключ. Видимо она уж точно нос свой не сунет после приказа начальства.

А Громов закрывает дверь и меня к себе за плечи разворачивает. Возвышается надо мной, как скала или айсберг, глазами своими синими прожигает. Слегка наклонился ко мне, ноздри его раздуваются, будто он мой запах учуял.

- Не ожидал тебя здесь увидеть... - вдруг говорит он, - меня искала?

- Нет... - вот совсем нет. Наоборот боялась встретить его и его подельника, и надо же! Первым делом нарвалась!

А я тебя искал. Всю неделю в шалмане том проторчал. П*дор сначала долго морозился, цену набивал, а когда я заплатил ему, сказал, что ты не из гоу-гоу, а залетная. Сестра стриптизерши, и вообще приболела.

- Все так.

- А что приболела? - прищуривается ректор, сильнее сжимая мои предплечья.

- То и приболела! После всего, что вы со мной сделали!

Руки ректора сжимаются сильнее. Снова синяки будут. Даже тонкий хлопок футболки не поможет.

- А что мы сделали? - недобро сверкают его глаза.

Его лицо так близко ко мне, что я могу разглядеть как расширились и потемнели его зрачки в синей радужке. Что они сделали? Трахнули меня так, что я получила гормональный сбой и похеренный ближайший год! Видимо на моем лице это отразилось уж очень красноречиво, потому что Демид поддел мой подбородок к себе и озабоченно пробормотал:

- Больно сделали?

Вообще-то нет, не больно. Хотя большие, оба. Гиганты прям. Но мне было хорошо. Так хорошо, что на целый год вперед хватит.

Молча я опускаю глаза, теряя с ним зрительный контакт, хочу отстраниться, но в последний момент мне не позволяют этого сделать. Властная рука ложиться мне на затылок. Длинные мужские пальцы сцепляются на шее, и притягивают меня ближе к мужчине.

- Что ты тут делаешь? - повторяет вопрос Демид.

Он что дурак? Неужели не понимает? Или думает, я к нему притащилась?
Повторить акт страсти недельной давности?

- В универ я ваш поступала! - выкрикиваю с обидой в голосе, будто это ректорова вина, что не прошла. Хотя, по сути, так оно и есть.

- Поступила? - прищуривается Демид.

И хотя я не могу опустить голову, но глаза прикрыть, чтобы не видеть этого бешеного взгляда, это у меня получается

- Как фамилия? - слышу я.

- Не важно.

- Почему сразу ко мне не пришла!? - в голосе столько возмущения, будто он каждую студентку с которой переспал, лично зачисляет в ВУЗ.

- Не хочу потом все ближайшие четыре года вас обслуживать... - говорю чистую правду, открываю глаза, и отринув страх смотрю в его распахнутые от удивления очи.

А потом он вдруг пережимает мое горло так остро, что почти удушает и бормоча хрипло:

- Все, капец, больше не могу сдерживаться! - впивается в мои губы властно и требовательно, отвоевая пространство миллиметр за миллиметром.

Если бы я знала, что в этот момент ко двору университета подъезжает черный гелик с еще одним знакомым мне любителем танцев неопытных девушек, покусала бы сладкие губы властного ректора и убежала сверкая пятками! Но, увы.

Но, все что сейчас происходит за стенами ректорского кабинета мне не ведомо. А меня кусают. Безбожно, неотвратно, не сдерживаясь... Губы только вот-вот поджили после их вторжения недельной давности, и все по новой. Только с еще большей силой.

– Искал тебя, по всему городу! В клуб приезжал. Даже с Бадоевым пообщался, вдруг он как крыса тебя целиком себе присвоил! А ты ко мне в университет поступала! И даже мне ничего не сказала... – быстро говорит, остро целуя, выпивая меня, царапая мою нежную кожу бородой своей. Как варвар! – Плохая девчонка! Очень плохая!

Его руки спускаются до полушарий груди властно сменяя все на своем пути. Дергают мой свитер, едва ли не рвя его в клочья. У меня между ножек все жарко. И мокро. И тягуче томно... но... нет!

Стону, хнычу, пытаюсь увернуться от его губ, языка и рук этого мужчины, но вместо этого подставляюсь ему еще больше. А он, как самый наглый завоеватель пользуется этим. Пользуется моей незащищенностью. Моей уязвимостью. Засовывает свои крупные пальцы в мой лифчик, отыскивает соски. Сжимает их на грани фолла.

– Сиськи... зачетные, епрст – комментирует он хрипло, сжимая и выкручивая камушки моментально затвердевших в его пальцах сосков, – маленькие, но круглые. И упругие! Такие, как мне нравятся!

И тут внезапно активируется мой мозг! Ему нравится! Еще бы! Податливое молодое почти девственное тело! А мне?! Нравится ли все это мне? Мне это вообще нужно? И если мозг мой пытается изо всех сил бунтовать взывая к разуму и здравому смыслу, то тело... тело предает! Телу по кайфу ровно все, что происходит с ним в этих могучих сильных руках! А еще этому предателю-телу не хватает другой пары рук! С пальцами, забитыми татухами под завязку! Совсем я развратница с ними стала! С одним-то мужиком стыдно спать до свадьбы, так мама всегда говорила. Эх, видела бы она меня сейчас, с одним переходящую грань и в этот момент думающую о другом.

Но, хорошо, что некая стоп-кнопка все же в моей многострадальной башке осталась.

– Стойте! – выкрикиваю отчаянно, когда его пальцы расстегивают болты моих джинсов.

Без резинки не дамся! Вот так! Больше никакой экстренной контрацепции пить не буду, а ок начала принимать недавно. Так что без презерватива есть риск! Только вот как сказать об этом Громову?!

– Ну чего ты испугалась, Сладен? – уговаривает меня коварный Громов, – больно сделали в тот раз? Так ты целочкой была, а мы вдвоем... двойная нагрузка на твои стеночки вышла. Ну ты уж извини, тут сама виновата. Такие вещи взрослым дядям говорить надо...

Этим взрослым дядям мозги включать надо, когда полезли ко мне без презервативов. Тоже верхний этаж порой включать не мешало. Не все же нижней головой думать!

– Так вот, Сладен, там все поджило! Я не сильно, малышка, я осторожно! – стягивает с меня джинсы. Я остаюсь лишь в белых хлопковых трусиках.

– Нет! – отчаянно кричу, заливаясь краской. Трусички полупрозрачные и я немедленно закрываю чистый треугольничек ладонями.

Глава 11

Громов смотрит на мои руки, прикрывающие белый полупрозрачный тонкий хлопок, а вернее на то, что проглядывает сквозь него, и у него такой голодный взгляд, будто сейчас набросится на меня и возьмет силой. Бугор под его брюками такой внушительный, словно сейчас прорвет ткань брюк. А руки... Руки не дремлют! Ласкают, ощупывают, оглаживают. Не украдкой, нет, а по собственнически. Именно разрешая чувствовать ласку, разрешая дарить наслаждение моему изголодавшемуся телу.

А потом все происходит резко, на контрасте с той теплой медовой тягучестью, что ввела меня в безопасное обманчивое заблуждение.

Меня переворачивают спиной к себе, и животом кладут на прохладную поверхность ректорского стола. Трусики, как символ последнего оплота, безбожно натягиваются на могучие мужские пальцы и рвутся в клочья, как лопнувший воздушный шарик. Мне холодно, и стыдно, и хорошо одновременно.

- Нет! Пустите! - хриплю я, но тело мое молит о другом.

- Ну почему, Сластен? - не ослабляя напора продолжает Громов, - ты же вся мокренькая! - его пальцы скользят по выступившим каплям, размазывают и втирают их в лепестки, кружа вокруг бугорка.

- Ах... - выгибаюсь я от этого, вертя попой, не то чтобы увернуться от этих умелых пальцев, не то, чтобы насадиться на них. Целиком, без остатка.

- Блин! Долбаный Бадоев! - Хрипит Громов, - Испугал тебя, да? Я бы все нежно сделал, чтобы не пугать, чтобы не больно, чтобы хорошо было!

Да и бандит, в принципе не больно сделал, и сейчас я этого хочу, но с защитой! С защитой, блин!!! Вот честное слово, Если Демид сейчас вытащит фольгированный прямоугольник, то я... я... Ох!

Додумать свою мысль я не успеваю. Меня снова очень резко и беспринципно переворачивают, берут на руки и несут куда-то в сторону от стола. Я в одном лишь лифчике и со спущенными вниз джинсами. Голой попой меня усаживают на широкий кожаный диван в зоне отдыха, и пока я опомниться не успеваю, сдирают штанины джинсов. Ловко и умело, точно шеф-повар шелуху с варенного яйца.

Джинсы, точно белый флаг окончательной моей капитуляции, парят в воздухе и исчезают где-то на ковре. Демид не дает мне опомниться. Разводит мои колени широко в стороны и... пристраивается головой к распахнутым бедрам. Что?! Да я... да я в душе была вчера вечером! Что он собрался делать?! Да я ни такая! Я не хочу так!

- Вкусенькая! - трепещут ноздри мужчины, - Остренькая! Я только поцелую, не бойся малышка! Я не больно... я приласкаю!

А потом ныряет к запретному плоду вплотную. Приникает к лепесткам губами. А потом моего самого сокровенного дотрагивается нечто влажное и обжигающе-горячее! Сильный мужской язык! Меня подбрасывает так, будто электрическим током дергает. Я стону и хнычу в голос... это невозможно! Это – слишком для меня. Я не заслужила такого! Это кайф в чистейшем виде, а этот коварный мужчина, видя что я буквально умираю от наслаждения, удваивает старания, просто толкая меня в бездну удовольствия!

Борода Демида немножко царапает мои бедра, но вся мое существо, все мое сознание сосредоточилось сейчас в одной лишь маленькой горошине, которую дразнят, перекачивают на языке, втягивают губами и дуют холодной струей воздуха. Это слишком. Если я думала, что тогда было слишком, вначале, то вот теперь, это п*здец, простите за мой французский, как невыносимо! Mamochka моя дорогая! Я знала, что мужчины делают это с женщинами, и мне казалось это стыдным, порочным, но, северные пингвинята, это охренительно!!! И вот не стыдно! Ни разу!

– Сладен, без волос оставишь! – рычит на меня Громов, утраивая старания, разводя мои бедра в стороны, потому что я так и норовлю их сомкнуть, зажав его голову меж них.

А я... я оказывается вцепилась в его короткие волосы, как кошка. Коготки у меня короткие, но видимо больно все же ему сделала. Но тут происходит нечто такое, что я просто бьюсь о волны наслаждения, как о рифы – что-то раздвигает мне складочки. Его пальцы. Мокрые и длинные. И сильные.

Его язык не перестает исполнять жаркое танго с моей горошиной, а я... улетаю в космос. И падаю в бездну... и это все так не важно, что именно происходит со мной. Потому что разноцветные искры. И бабочки. И сладкая дрожь до кончиков пальцев. И эти самые пальцы подогнутые, любовной судорогой сведенные.

Я даже опомниться не успеваю, как уже сама оказываюсь в той же самой роли, в которой был Громов до этого. Он возвышается надо мной со своим внушительным орудием наперевес и его намерения очевидней некуда.

– Теперь ты! – и это не просьба, но приказ.

И в этот момент дверь ректорского кабинета распахивается и в проеме появляется... мой второй кошмар! Высоченный. Опасный. Хищник. Нет, Зверь! Руслан Бадоев.

- Нихера себе! – ревет он, комментируя открывшийся вид.

Глава 12

На ходу расстегивает пиджак, оставаясь в одной рубашке. Я съезживаюсь. Прихожу в себя моментально. Передо мной раскачивается большой орган Громова. Блин. Вот это стыд! Вот это позор! Пытаюсь отползти, но сзади лишь спинка дивана, и бежать мне некуда. Властные руки Демида опускаются на мои плечи и фиксируют в таком положении.

- Свет! – негромко командует ректор бандиту.

Что? Какой свет?! Но, Бадоев, в отличие от меня целиком и полностью понимает своего подельника. Щелкает кнопка выключателя, погружая ректорский кабинет в полумрак. Еще несколько мгновений, и теперь уже опускаются шторы, отрезая дневной свет от окон.

Полумрак странным образом действует на меня успокаивающе. Наверно потому, что моей наготы не видно так уж слишком, да и вообще атмосфера ночи более соответствует тому, чем все втроем мы собираемся заниматься уже по умолчанию.

- Сейчас, Сластен, не бойся, малышка! – голос Бадоева из хриплого баритона превращается в бархатное гортанное мурлыканье. Наверно так бытается мурлыкать взрослый тигр, выделяваясь, проявляя заботу к своей самке.

- У нее там болит, придурок, писечку не трогай! – предупреждает Демид, когда Руслан вжикает ширинкой вниз, и высвобождает своего богатыря на волю. – Отымили так оказывается, что через неделю не опомнится.

- Нет, Сластен, тогда не буду туда, не хочу своей девочке больно делать!

– Я тебе дам твоей, Русик! – рычит Громов, приподнимая меня над диваном и вертя, как куклу тряпичную, ставя меня в замысловатую позу, видимо чтобы всем троим было удобно. – Нашу девочку, сука-урка такая, НАШУ! Выяснили ведь, придурок все с тобой, чуть не подстрелил тебя, но пожалел, утырка.

Руслан при этих словах морщится, точно от боли. Что?! Они стрелялись за меня? Как на дуэли? Но... зачем? Поделить не могли и решили... не делить! А так можно было? Можно?! Я же живой человек, не товар! Почему моего мнения не спросили?!

– А какого черта ты сношаешь ее без меня, скажи?!

– Такого! Ждать тебя и звонить, разрешения спрашивать я не собираюсь! Ясно? На такое не подписывался! И так достаточно, что согласился делить ее с тобой!

Говоря все это Громов располагает меня на диване попой кверху, а вот лицом наоборот вниз, аккуратно напротив своего ни на секунду ни опавшего друга.

– Малышка, действуй! – умоляет он. Взгляд совсем ненасытный, бешеный, голодный.

А я смотрю... головка шелковистая, влажная от смазки, блестящая... так и хочется дотронуться языком до той самой дырочки, откуда выступила приличная капля смазки. И я дотрагиваюсь. Громов дергается подо мной, опускает тяжелые руки на мой затылок, но я не хочу так. Не нравится мне, что он хочет контролировать меня. Верчу головой в знак протеста. Я впервые делаю это с мужчиной и требую к себе минимального уважения.

– Ух, норовистая! – с придыханием хрипит Громов, но руки свои убирает, позволяя мне полностью завладеть ситуацией.

А я?! А ничего, что я тоже человек? Поделили они меня, козлы фиговы! А может я не хочу ни с кем делить себя?! Что за шовинизм такой? Может, я вообще хочу лишь с одним быть! И не факт, что он будет их этой мерзкой парочки завоевателей! Резко отстраняюсь от Громова.

Глава 13

– Ну чего ты Сластен?! – Сильные пальцы, забитые татухами оглаживают мое полуобнаженное тело.

Бадоев опускается на диван рядом. Под ним образуется такая выемка, что я едва ли не скатываюсь к нему под колени. Но мне не дают этого сделать при всем моем желании. Пальцы кружат по спине, то же самое делают жесткие губы в обрамлении бороды и сильный гибкий язык, повторяя каждое движение, не давая ни единого шанса остаться чем-то не заласканному и не зацелованному.

Бадоев расстегивает мой лифчик, будто невзначай, и сзади, со спины продолжает вальсировать руками, подбираясь к заветным вершинкам налившейся сладкой истомой груди.

Я прогибаюсь в спине. Невольно. Соппротивляюсь. Но это бессмысленно. Против меня абсолютно все. Даже мое тело. И вот последний оплот окончательно падает, когда рука Бадоева, приласкав грудь опускается ниже. Это конец. Это бездна, в которую я пааю, благодаря стараниям двух варваров. Я теряю крохи разумных мыслей, что мелькали где-то, маячили призрачным светом. Я покоряюсь. Меня завоевали. Победили. И мое тело с упоением наслаждается собственной капитуляцией, деля с победителями пиршество и экстаз.

Не понимаю в какой момент Громов вновь завладевает моим ртом. Я делаю это неуверенно, неумело, но когда сзади бандит дает о себе знать в моем самом сокровенном местечке, я на секунду прихожу в себя.

– М-м-м... – протестующе мычу, ибо никаких других звуков мой занятый рот издать не в состоянии.

Но меня не слышат. Или не хотят, что скорее всего. Пальцы осторожно, но настойчиво кружат вокруг запретного. Мокрые и скользкие, невзначай поглаживая, срываясь в тугое колечко, отчего оно сладко сжимается, посылая всему моему телу нереальный кайф.

– Сластен, что случилось? – оба мужчины расслаблено развалились кто в кресле ректора, кто на кожаном диване. Сытые, довольные, важные. Еще бы! После всего, что мы вытворяли вдвоем в этом кабинете, тут сутки проветривать надо – уровень тестостерона в воздухе и эндорфинов в мозгах зашкаливает.

Молча и злобно собираю уцелевшие вещи по комнате.

– Сластен, обиделась? На что?

– Да пошли вы, оба! – пытаюсь справиться с бюстгальтером, но крючок как назло никак не попадает в петельку.

Громов подается ко мне. Ловко продевает, не забывая при этом прикусить затылок в рваном поцелуе.

– Да не трогайте меня! – сержусь я, отпрыгивая от неандертальца. – Взяли свое, что вам еще надо?!

Оба мужчины переглядываются меж собой многозначительно.

– Сластен, мы с тобой хотим быть! Что в этом непонятного? Нравишься нам обоим. – Это Громов. Он отошел от меня, когда помог с застежкой, и стоит на расстоянии вытянутой руки.

– У нас серьезно все, Сластен, – подтверждает Бадоев.

– Серьезно что? Поддавливать меня и трахать вместе? В любом месте? – нервно усмехаюсь я.

Бадоев хочет что-то возразить, но я уже полностью одета, и вышмыгиваю из кабинета, задавая деру от озабоченных мужиков. Хорошо, что тетя-секретарь Демида куда-то вышла из кабинета. Потому что я не уверена что не орала, как чокнутая от наслаждения. Вернее уверена, но как раз наоборот, что стонала, как самая последняя шалава! Да еще под двумя.

– Сластен, хватит брыкаться. Мы сейчас отвезем тебя куда скажешь! – полуголый Бадоев подается за мной, на ходу застегивая рубашку.

А я... Улепетываю еще сильнее. Ну всё! С меня хватит! Больше не дамся им. Ни вдвоем, ни по одиночке. Они чокнутые. Маньяки! Зачем им делить одну девушку на двоих, когда на каждого пачками вешаются девки со внешностью топ-моделей! Зачем им серая мышь сдалась?!

Глава 14

– Не пойду Кать! – бурчу себе под нос недовольно. – Пожалуйста, скажи на работе, что я еще не выздоровела!

– Нет, Сластен! П*дор сказал, если не выйдет твоя сестра, то есть ты сегодня на смену – он уволит. Больше не пустит тебя в клуб.

Катька вставила зуб и наконец, больше не шепелявит. Интересно, надолго ли?

– Я не поступила, Кать... так что мне пофигу.

– Нет! – Катька садится ко мне на разложенный диван, где я сплю с того момента, как переехала к ее бабушке. – В свой Мухосранск вернешься теперь?!

– Не знаю. – всхлипываю я от обиды. На Катю, на ректора и бандита, на университет, на менеджера Славку, то есть как его все ласково называют «п*дор», на весь мир, в общем обиженна я.

– А ну не выдумывай! Что тебе делать в твоём Зажопинске? Коров доить? Да ты с такой внешностью мужиков доить можешь на раз-два! Вон вспомни сколько тебе чаевых оставили за два привата! Да ты через год работы можешь себе квартиру хорошую купить, машину. Одеваться не на рынке в ширпотреб будешь, а в бутики с ноги дверь открывать! Сластен, ну не делай глупости! Никому твоя учеба нахер сейчас не сдалась!

– Нет. Кать. – оттираю слезы. – Ты прекрасно знаешь, что ночная жизнь и таскание по мужикам не для меня. Я хотела тихой надежной карьеры в крупной компании. Хотела серьезности и надежности. А вот это вот все чуждо мне.

Неприятно. Зачем себя ломать?!

- Дык и не ломай! Копи деньги на платное обучение. - пожимает плечами Катя. -
Еще два месяца впереди.

- Сто пятьдесят тысяч за два месяца?! Когда у меня смена полтора косяря?! Да
уж... накоплю. А еще мне кушать на что-то надо. Бабке твоей за комнату
платить!

- Только если будешь гоу-гоу танцевать.

- Нет! - зло восклицаю я, вспоминая чем именно закончилась для меня первая и
последняя пляска у шеста.

Мое многострадальное тело отзывается определенными сокращениями в
нужных местах, где еще утром побывали эти двое зверей.

- Ну... тогда год работай. Копи деньги на следующий. - Тон у Катьки ехидный, но
неожиданно для себя я понимаю: а ведь она мне сейчас идею подкинула.

Я трудолюбивая. Не боюсь работы и трудностей. За год могу скопить на
несколько лет вперед, чтобы потом сосредоточиться только на учебе. Буду
готовиться по ночам. Благо, в интернете сейчас можно найти все для экзамена и
практически в бесплатном доступе. Если все же поступлю на бесплатное -
деньги останутся на другие нужды... Так что возможно, даже и не плохо, что
этот год пролетел в плане учебы мимо.

За неделю в клубе мало что изменилось. Те же геморройные клиенты, заказы,
беготня с подносами и обратно. Сутолока. Шпильки и едкие замечания от Славы.
Словно и не брала этот небольшой перерыв. К десяти вечера ноги гудят так,
словно в забеге на десять километров участвовала. Хотя, с подносом по залу
нарезала не менее того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/risha-starlayt_/dvoynoe-schast-e-dlya-slasteny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)